

АЛЕКСЕЙ РЫБАКОВ СВЯТЫЕ И ШПИОНЫ

Алексей Рыбаков

**Святые и шпионы: Малые
народы и секты в большой
игре британских спецслужб,
армии и Форин-офиса**

«Автор»

2026

Рыбаков А.

Святые и шпионы: Малые народы и секты в большой игре британских спецслужб, армии и Форин-офиса / А. Рыбаков — «Автор», 2026

Исмаилиты, хлысты, друзы, ассирийцы, гуркхи, сикхи, белуджи, тибетцы — что общего у этих общностей? Все они веками сохраняли уникальную идентичность. И все они стали инструментом Британской империи в её глобальной игре. Эта книга — научно-популярное исследование, как британские спецслужбы, армия и дипломаты использовали малые этно-конфессиональные группы для разведки, диверсий и управления целыми регионами. Читатель узнает, как британские агенты проникали в закрытые общины, становились «своими среди чужих» и переворачивали весь ход великой шахматной партии. Как гуркхи и сикхи стали легендой британской армии. Как исмаилитский имам возглавил Лигу Наций и ставил палки в колеса русской армии. И как британский разведчик Чарльз Белл создал «тибетский вопрос», который до сих пор портит кровь китайским правителям. Приготовьтесь к путешествию по тайным тропам «Большой игры», где ставки — судьбы континентов, а фигуры — живые люди.

© Рыбаков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Иسمайлиты: джокер в The Great Game	7
Глава 2. Игра с русским духом: «Божьи люди» и джентльмены Её Величества	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Рыбаков

Святые и шпионы: Малые народы и секты в большой игре британских спецслужб, армии и Форин-офиса

Предисловие

Британской империи давно нет, но «рукой Лондона» в патриотических Telegram-каналах и политических ток-шоу на федеральных каналах поныне объясняют едва ли не любые мировые катаклизмы. От очередного кризиса на фондовых рынках до смены правительств в бывших советских республиках.

Надо признать, у этих подозрений нередко есть под собой основания.

Британцы, действительно, мастера тайных операций. За столетия имперской экспансии они отточили это искусство до уровня, о котором другие могут только мечтать. И сегодня благодаря во многом именно МІБ и другим разведструктурам, Великобритания остается ключевым глобальным игроком. Хотя давно не может похвастаться ни былым флотом, ни армией, ни промышленностью...

Наше небольшое научно-популярное исследование посвящено сфере, где спецслужбы короны проявили себя особенными корифеями и создали технологии, сильно опередившие свое время. Речь идёт об использовании в большой международной игре малых этно-конфессиональных групп.

Чем интересны МЭКГ: друзья, исмаилиты, ассирийцы, гуркхи, сикхи и другие? Каждая из них представляет неповторимый сплав культуры, веры, традиций. Каждая столетиями сохраняет идентичность, вопреки давлению могущественных и враждебных соседей. И при всей непохожести этих маленьких этно-религиозных общностей друг на друга их объединяет одно. Они живые свидетельства, насколько разнообразным и удивительным может быть человечесство.

Британцы же первыми поняли, что *ethno-religious minorities* могут служить мощнейшим инструментом геополитики. Агенты короны не пытались ломать вековые устои этих групп. Вместо этого они сами учили языки и постигали обычаи. А затем — тонко, исподволь, без единого выстрела — находили рычаги влияния и превращали замкнутые, часто разрозненные общины в отлаженную агентурную сеть.

Ключевая ценность МЭКГ в том, что они умеют «просачиваться сквозь щели». Там, где регулярная армия увязнет в горах или пустыне, один человек, знающий язык и тропы, сделает больше, чем целая дивизия. Эти «невидимки» умеют оказываться в нужное время в нужном месте и иной раз меняют ход мировой истории.

На всякий случай подчеркнем: **мы абсолютно не склонны к шовинизму**. Напротив, эта книга — дань уважения и даже восхищения. Как наш читатель не раз убедится, «маленькие, но гордые» общности порой способны поставить себя так, что от них зависят судьбы целых континентов.

И — да, мы восхищаемся британцами. Их умением видеть потенциал там, где другие видят лишь горы и пустыню. Их способностью вкладывать копейки, а получать миллионы. В конце концов, их виртуозной игрой на великой шахматной доске, где любая пешка при должном подходе способна стать ферзем.

Пожалуй, очень многим бы не помешало поучиться такому мастерству...

Глава 1. Исмаилиты: джокер в The Great Game

Что общего у российского императора Николая II, британского премьера Уинстона Черчилля и афганского полевого командира Ахмад-шаха Масуда? Все они, в разные эпохи и с разными целями, имели дело с одной и той же силой — сетью исмаилитских общин, раскинувшейся от Атлантики до Индии.

Исмаилиты — это не народ в привычном смысле. У них нет общей крови и земли, единой национальной кухни или костюма. Их объединяет лишь вера в живого имама, спустившегося с небес на землю, чтобы направлять своих духовных чад на путь истинный.

11 февраля 1904 года генеральный консул Российской империи в Бомбее В.О. фон Клемм отправил в Петербург секретное донесение. Он сообщал: «В Индии имеется особая мусульманская секта под именем "ходжей". Во главе этой секты стоит в настоящее время некто Ага-Султан Мухаммед Шах, более известный под названием "Ага-Хан"». Русский дипломат нервничал. Он только что узнал, что этот самый Ага-хан получает дань и секретные донесения от исмаилитов не только в Индии, но и... из российской Средней Азии. Бухара, Самарканд, Коканд, Кашгар, Яркенд — везде обитали «сектанты», которые молились на человека, живущего под БРИТАНСКИМ покровительством в Бомбее.

Фон Клемм предупреждал Петербург, что особый религиозный статус в исламском мире делает исмаилитов сплоченной и дисциплинированной силой. Они веками жили среди враждебного суннитского большинства, пряча свою веру. И этот многовековой опыт скрытности, эта привычка к конспирации сделали их идеальными шпионами. Представим разветвленную разведывательную сеть. Её нити — торговые караваны, переваливающие через Гиндукуш. Узлы — горные кишлаки. Связные — купцы, паломники, странствующие дервиши... Можно не сомневаться: в умелых руках такая сеть способна на многое. А у кого, спрашивается, как не у британцев, самые «умелые руки» в шпионских-то хитросплетениях?

Опасения российского дипломата оказались не беспочвенны.

Исмаилиты и их духовные лидеры сыграли свою немалую роль в том, что Артур Конолли и за ним Редьярд Киплинг называли «Большой Игрой». В великом противостоянии Российской и Британской империй.

Но обо всем по порядку.

Дверь в закрытый мир

Начнем с главного.

Исмаилиты — это не просто секта. Это вторая по численности шиитская конфессия. 15-20 миллионов человек, расселённых сегодня по двадцати пяти странам, от Ливана до Индии, от Таджикистана до Пакистана, от Кении до Великобритании.

И они не похожи на соседей-мусульман.

У исмаилитов нет мечетей в привычном смысле. Они молятся в «джамаат-хана» — «домах общины», куда женщинам вход разрешён, а иноверцам — нет. (Кстати, в исмаилитской общине женщины могут даже читать проповеди и вести собрания. Для соседей-суннитов, где женщина молится за стеной и не смеет поднять глаз на мужчину, такое нонсенс!) Кроме того, исмаилиты не держат пост в Рамадан, как сунниты, ибо у них свой календарь. Они не совершают хадж в Мекку, ибо их святыни находятся в горах Афганистана и Таджикистана, куда не ступала нога постороннего.

Для суннита источник веры — Коран и Сунна. Для исмаилита — «живой, дышащий, говорящий имам», Ага-хан, являющийся прямым потомком пророка Мухаммеда. Имам обладает знанием, недоступным другим. Он непогрешим и не подотчетен никому. Его слово отменяет Коран, если он скажет. Его указ меняет шариат, если он решит. Например, когда в 1957 году 20-летний принц Карим Ага-хан IV унаследовал титул, он сразу же начал с реформ: отменил некоторые обряды и ввёл новые молитвы. И никто не возразил. Потому что он — имам, а прочие — его духовные чада. Но об этом мы подробнее поговорим дальше.

А пока не обойтись без небольшой исторической справки.

...В 632 году умер пророк Мухаммед. Он не оставил завещания, кто должен стать его преемником-халифом («наместником»). Большинство мусульман (сунниты) избрали халифом тестя пророка, Абу Бакра. Меньшинство утверждало, что преемником должен быть зять и двоюродный брат пророка, Али ибн Абу Талиб. Это меньшинство называли «шиитами» (от «шият Али» — «партия Али»). В 680 году в битве при Кербеле внук пророка, Хусейн, был убит войсками омейядского халифа Язида. Трагедия Кербелы стала точкой невозврата: шииты окончательно отделились от суннитов, оплакивая Хусейна и ожидая пришествия Махди (мессии).

Но и внутри шиизма были свои расколы.

В 765 году умер шестой имам шиитов, Джафар ас-Садик. Он не назначил наследника, и его последователи разделились в приверженности к разным сыновьям имама. Одни (современные двенадцатники) признали новым духовным лидером Абдуллаха. Другие — Исмаила.

С тех пор исмаилиты пошли своим путем. И в свое время достигли немалого успеха, создав могущественное государство Фатимидский халифат (909–1171 годы), который контролировал Египет, Северную Африку и часть Сирии и Палестины. Их столица, Каир, соперничала с Багдадом, как главный город ислама. Но после падения Фатимидов исмаилиты-низариты рассеялись по миру: от Иранского нагорья до Индостана, и от Сирии до Восточной Африки. Кстати, никем иными как исмаилитами были знаменитые ассасины Старца Горы из неприступной горной крепости Аламут. Да-да, те самые ассасины что держали в страхе королевства крестоносцев и окрестные мусульманские земли, и в конце концов пали под натиском монголов Хулагу...

...Нам из всего этого важно главное: то, что именно рассеянность, «диаспоральность» исмалистов и привлекла к ним внимание британских стратегов. Еще бы! Готовая «фабрика шпионов» для Большой игры, с разветвленной инфраструктурой и привычкой к секретности. Ничего и делать не надо.

Но как британцы умудрились получить доступ в этот закрытый мир? Для ответа на этот вопрос нам нужно отправиться в Персию начала XIX века, где разыгралась трагедия, превратившая Ага-ханов в союзников Владычицы Морей.

Как Ага-ханы стали друзьями англичан

Всё началось с убийства.

В 1817 году в персидском городе Йезд, одном из мест компактного проживания исмаилитов, разразился бунт. Местные шиитские муллы, ненавидевшие исмаилитов как еретиков, подняли толпу. Они ворвались в дом духовного главы общины Шах-Халиль-уллы и убили его на месте.

Казалось бы, локальный конфликт. Но персидский шах Фатх-Али, правитель огромной державы, вдруг проявил неожиданное внимание. Он приказал наказать убийц. Затем вызвал ко двору сына покойного, юношу по имени Хасан Али Шах.

И сделал нечто неслыханное.

Шах выдал за Хасана Али одну из своих дочерей, даровав ему наследственный титул «Ага-хан» — «главнокомандующий». Восемнадцатилетний юноша, глава гонимой секты, стал зятем владыки Персии.

Почему? Историки спорят до сих пор. Фатх-Али, возможно, хотел иметь лояльного союзника среди исмаилитов, которые обитали в горных районах на границах империи. А может быть, он боялся, что убийство религиозного лидера спровоцирует восстание, и хотел замять скандал. Вероятно, сыграло роль и то, что исмаилиты, значившийся (пусть и формально) шиитами, были всё же ближе и лояльнее к официальной персидской вере, чем сунниты.

Ага-хан I стал верным вассалом шаха. По его воле он командовал конницей и подавлял мятежи. Но преданность не спасла. В 1838 году Ага-хан рассорился с всемогущим персидским визирем Хаджи-Мирзой Агаси. По одним данным, визирь оклеветал его перед шахом. По другим, Ага-хан сам проявил неуместную самостоятельность. Так или иначе, ему пришлось дважды поднимать оружие против шаха. И дважды терпеть поражение.

Спасая жизнь, Ага-хан бежал в Афганистан. В Кабуле он предложил свои услуги британцам, которые как раз готовились к первой англо-афганской войне.

Лондон оценил предложение

Имам от крови Али, Хусейна и Исмаила — не какой-нибудь бродяга. Это тот, кто имеет власть над четырьмя большими группами общин по всему Востоку. Арабские исмаилиты, потомки тех, кто уцелел после падения крепостей ассасинов, живут в Сирии и Ливане. Персидские исмаилиты рассеяны по всему Ирану; как правило это купцы и ремесленники. Южноазиатские исмаилиты — самые многочисленные; это касты ходжи и бохра в современных Индии и Пакистане. Наконец, самая интересная группа общин: центральноазиатские исмаилиты. К ним принадлежат памирские народы: шугнанцы, рушанцы, ваханцы, бартангцы, ишкашимцы; они живут на «Крыше мира», в высокогорном Бадахшане, разделённом между Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Китаем. Здесь, на высоте трёх-четырёх тысяч метров, среди ледников и ущелий, исмаилизм обрёл свою особую, ни на что не похожую форму, впитав буддизм, зороастризм и древний шаманизм.

Стоит ли говорить, что не в привычках британцев упускать интересные возможности?

... В 1839 году англо-индийская армия вторглась в Афганистан. Ага-хан со своим отрядом всадников сражался на стороне британцев. Но, разумеется, колонизаторы имели на имама куда как более дальние виды, чем просто военную силу.

Война закончилась и Ага-хан последовал за британцами в Индию. В Бомбее его встретили с восторгом. Местные исмаилиты-ходжи высыпались на улицы: ну а то, они не видели живого имама СЕМЬСОТ ЛЕТ (с тех пор, как низаритские предводители укрылись в персидских горах, спасаясь от монголов).

Так родился союз, длящийся уже почти два века.

Многоликие имамы

Хасан Али Шах, первый Ага-хан, прибыл в Индию не как бедный изгнанник. С ним пришли тысячи людей: родня, слуги, отряд всадников в синих тюрбанах, с длинными копьями, выглядевшие как пришельцы из другого времени. Генерал Чарльз Нейпир, завоеватель Синда, писал в 1843 году: «Он бог — его доход огромен. Он никому из своей секты не позволяет поцеловать руку меньше чем за двадцать рупий». Судья Верховного суда Бомбея сэр Джозеф Арнольд так оценивал масштаб власти Ага-хана: «Никто из его приверженцев не смеет отказать ему ни в какой милости, о которой он просит; жёны, дочери, рабы, деньги, дома, мебель — всё его».

От Лондона Ага-хан получил всемерную поддержку в делах общины, включая право собирать налоги. А после его смерти имамом стал Ага-хан II (годы правления 1881–1885), правда, мало чем запомнившийся. Зато сын последнего, Султан Мухаммад-шах, Ага-хан III (1877–1957), занявший место вождя и учителя исмаилитов восьми лет от роду, стал в последствии настоящей мировой звездой. Забегая вперед скажем, что многими исследователями он считается самым богатым религиозным деятелем в человеческой истории...

...Ага-хан I и Ага-хан II заложили фундамент процветание исмаилитских имамов и были своими в британских клубах Бомбея, но Ага-хан III превзошёл их обоих.

В 1898 году, в возрасте 21 года, Ага-хан III впервые прибыл в Лондон. Королева Виктория приняла имама в Виндзорском замке, усадив справа от себя на торжественном обеде — честь, которую оказывали единицам. Так ведь и Ага-хан на тот момент — это вам не полудиккий туземный князек, а блестяще образованный галантный юноша (его мать, внучка персидского шаха, настояла на европейском воспитании сына: английские гувернёры, уроки французского, латынь, верховая езда по-британски и вот это все).

В Лондоне молодой имам вращался среди аристократов, в Париже блистал на скачках и общался с виднейшими властителями дум своего времени. На званных ужинах, когда гости спрашивали, как он, мусульманский лидер, позволяет себе вино, Ага-хан отвечал с улыбкой: «Я настолько свят, что когда я пью вино, оно превращается в воду». За блестящей внешностью, как отмечают историки, скрывался холодный прагматик и реалист. Ключевой целью Ага-хана был прочный союз с самой могущественной мировой силой, британцами. Но детальнее об этом симбиозе (за почести и щедрость британцев имам платил им с лихвой) речь пойдет ниже. А пока еще несколько штрихов к портрету.

Когда Первая мировая война расколола мир, Ага-хан снова прибыл в Европу, чтобы лично предложить свои услуги короне. Он призвал исмаилитов вступать в британскую армию. Лондон оценил жест: в 1916 году имаму был присвоен титул «Его Высочества», т.е. статус правящего князя первого класса. Уникальный случай, когда индийский князь не управлял ни одной территорией, но пользовался полным дипломатическим иммунитетом. Кроме того, имам был награжден орденами Звезды Индии, Святого Михаила и Святого Георгия — их вес на Востоке был больше, чем золото. Ага-хан стал своим в клубах Сент-Джеймса, его принимали при дворе, его мнение о судьбах империи имело немалый вес.

В 1934 году Ага-хан стал членом Тайного совета Великобритании, а в 1937-м (с подачи, понятно, британцев) даже председателем Ассамблеи Лиги Наций (!!!). Вдуматься только: имам исмаилитов формально в тот момент являлся главным человеком на планете Земля. Воистину, не так важно какой силой мы располагаем, а то, как мы умеем ей пользоваться. Кто-кто, а Его Высочество свои ресурсы умудрялся использовать даже не на 100%, а на все 1000%.

Как мы упомянули, с благоволения британцев имам получал дань со всех исмаилитов, разбросанных по необъятным просторам Евразии. Миллион рупий в год — это только официальные поступления. Плюс добровольные пожертвования от богатых купцов. Плюс дары от общин Ближнего Востока и Средней Азии (успешно обходившие, к слову, русские таможи) ... На что шли собранные деньги? Официальные исмаилитские источники горят о строительстве больниц и школ в Азии и Африке, а также о других формах благотворительности. Но и самого себя Ага-Хан, надо думать, не обижал. В 1937 году, во время золотого юбилея правления любимого имама, община взвесила его вес (80 кг) в золотых слитках. На алмазный юбилей (1946) — в бриллиантах. На платиновый (1954) — в платине...

На склоне лет, когда силы покинули его, Ага-хан поселился в Швейцарии. Имам дожил до 79 лет и умер в своей постели. Похоронен он был в египетском Асуане, в мавзолее, построенном его последней женой.

Казалось бы, образцовая биография респектабельного религиозно-политического лидера и светского льва. Однако и первый, и второй, и третий Ага-ханы (а не исключено, что и после-

дующие тоже) были не только теми, кем представляли перед публикой. Важнейшая часть их работы всегда оставалась в тени.

Они были связующим звеном между британской разведкой и исмаилитской сетью, растянутой от Памира до Бомбея.

Тайная война на «Крыше мира»

Термин «Большая игра» (соперничество России и Британии за господство в Центральной Азии) придумал капитан Артур Конолли в 1840 году. С легкой руки писателя Редьярда Киплинга он облетел мир. Игра шла на гигантском пространстве от Каспия до Тибета. Ставки были высоки: Британия защищала свою «жемчужину короны» — Индию. Россия прокладывала дорогу к теплым морям.

В этой игре Памир, «Крыша мира», оказался ключевой точкой. Здесь сходились границы Российской империи, Британской Индии, Афганистана, Китая и Бухарского эмирата. Контроль над перевалами означал контроль над древними маршрутами, где когда-то проходил Великий шелковый путь.

Для России здесь была одна проблема. Памир населяли исмаилиты. А исмаилиты были во всем покорны Ага-хану, благоденствующему в тени британской короны и, если называть вещи своими именами, кормящемуся из рук англичан.

Исмаилитские купцы («караван-баши») и паломники по воле Ага-хана превращались в идеальную агентурную сеть, уже готовую к использованию. Они говорили на всех языках и видели всё. Британские разведчики, в том числе знаменитый Фрэнсис Янгхазбенд, активно использовали исмаилитов как проводников и информантов. Геодезисты-«панджи» с секстантами и хронометрами, спрятанными под тюрбанами и в молитвенных книгах, шагали по горам, куда не ступала нога европейца. Они делали замеры высот, фиксировали реки и перевалы, и британцы получали точные карты, скроенные по этим «лоскуткам». В документах Индийской политической службы (Indian Political Service) изредка попадаются записи о «ходжах, оказавших ценные услуги» в Гилгите и Читрале. Среди них упоминается некто Карим Бакш, который служил связным между британским агентом в Кашгаре (китайский Синьцзян) и исмаилитскими общинами в горах. Также фигурирует Хасан Али, торговец из Гилгита, который, по некоторым данным, сопровождал в тайных миссиях русских разведчиков (будучи подставным лицом) и передавал их замыслы британцам.

После разграничения 1895 года создавалась парадоксальная ситуация. Формально Памир перешел под контроль России, а британцы ушли за Гиндукуш. Но горные тропы контролировали исмаилиты. С их помощью британцы наладили канал связи между Кабулом и Индией. Исмаилиты сообщали кураторам о передвижениях русских войск, настроениях местных племен, караванах с оружием. Кроме того, исмаилиты служили связными между британцами и афганскими князьями.

Получив упомянутое в начале главы донесение дипломата фон Клемма, российская сторона пыталась действовать зеркально, т.е. создать своих исмаилитских «агентов». Для этого из Бомбея были тайно отправлены два эмиссара — Ходжа Пир-Мухаммед-Ибрагим и Муса-Гулям. По замыслу, они должны были прибыть на Памир и начать агитацию против Ага-хана и британского влияния... Но, увы, все это были меры слишком запоздалые. В 1905 году генерал-губернатор Туркестана Николай Тевяшев отправил в Петербург секретную телеграмму. Он жаловался, что присланные из Бомбея исмаилитские эмиссары оказались «не пригодны для возложенного на них поручения». Они «крайне деморализованы зимним холодом» и не смогли приобрести никакого авторитета в местных общинах. Собственно, странно было ожи-

дать иного: когда с одной стороны два чужака, а с другой настоящий живой имам, то результат немного предсказуем.

Так, не потратив ни одного солдата и ни одной пули, Британия достигла своих целей. Северная империя перед Первой Мировой войной проиграла битвы за умы местного населения и не смогла закрепиться на Памире.

...В 1920-х годах Россия вернулась на Памир, уже в виде советской власти. Казалось бы, уж теперь-то исмаилиты Таджикистана неизбежно будут отрезаны от своего имама. Но связь не прерывалась полностью даже в сталинскую эпоху.

Чекисты, прочёсывая горные тропы в поисках контрабандистов и шпионов, натывались на схроны: пачки писем на арабской вязи и портреты старца с орлиным носом, которого памирцы называли «Ага-хан». Советская контрразведка, как и их дореволюционные предшественники, тоже пыталась внедрять агентуру в исмаилитские кишлаки. Результат — ноль. Пришлым в этих местах по-прежнему веры не было, а те, кто рискнул сотрудничать с властями, быстро становились изгоями. Исмаилитская солидарность, ковавшаяся веками, оказалась сильнее страха даже перед НКВД.

В 1979 году советские танки вошли в Афганистан. В Кремле рассуждали просто: взять под контроль стратегические перевалы, посадить в Кабуле лояльного лидера, через пару лет уйти. Как все мы знаем, вышло сильно иначе. И да — без исмаилитов снова не обошлось. «Панджшерский лев» Ахмад Шах Масуд, таджик по национальности, суннит по вероисповеданию, конечно, не был исмаилитом. Но его союзником стал генерал Сайед Мансур Надери, командовавший исмаилитским ополчением численностью до 13 000 человек. Отряды Надери прикрывали северные подходы к перевалам, пока Масуд воевал на юге. Но что еще важнее, армия Масуда получила щедрую помощь пакистанской ISI, США и Британии. В разведсводках КГБ Ага-хана IV называли «вдохновителем и спонсором моджахедов», а его Фонд AKDN (Aga Khan Development Network) — прикрытием для МІ6. В 2001 году, сразу после гибели Масуда, в британском издании The Guardian появилось расследование: в годы афганской войны Масуд получал от МІ6 разведданные, оружие, а иногда и прямое финансирование.

Когда в декабре 1991 года рухнул Советский Союз, Горный Бадахшан оказался отрезанным от внешнего мира. Регион, который при советской власти получал 85% продовольствия из централизованных фондов, в одночасье остался без всего. Зимой 1992 года дороги, связывавшие Хорог с Душанбе, перекрыли снега и боевики. К порогу подступал голод.

И тогда из-за границы пришла помощь. Не от Москвы (Москве было не до того) и не от ООН (организация раскачивалась слишком медленно). Первым, кто протянул руку, был Ага-хан IV, подданный Соединенного Королевства, выпускник Гарварда, рыцарь-командор ордена Британской империи. С 1992 года Фонд Ага-хана начал бесплатно поставлять в Горный Бадахшан тысячи тонн муки, масла, медикаментов. В BBC тогда писали прямо: эти поставки спасли регион от голодной смерти.

Но не хлебом единым.

В 1995 году Ага-Хан впервые прилетел на Памир (в сопровождении президента Таджикистана Эмомали Рахмонова, тогда еще не Рахмона). Местные встречали имама со всем подобающим благоговением. Ага-Хан сразу взялся за инфраструктурные проекты: от ремонта старых советских электростанций до возведения мостов через реку Пяндж, разделяющую Таджикистан и Афганистан. Всего Фонд Ага-хана построил семь мостов, пять из них — в Горном Бадахшане. В 2000 году президент Таджикистана и Ага-хан IV подписали договор об учреждении Университета Центральной Азии. Кампус в Хороге стал эффектным символом: в самом изолированном регионе постсоветской Средней Азии появился современный университет. Кроме того, Фонд запустил сотовую компанию Tcell — сегодня ведущего мобильного оператора страны. К 2018 году общий объем инвестиций AKDN в Таджикистан достиг миллиарда долларов.

Когда в мае 2022 года Горный Бадахшан охватили протесты, власти в Душанбе в панике обратились именно к Ага-Хану, как к посреднику. И человек, который никогда не правил Таджикистаном, не командовал армией, полицией и спецслужбами, сумел сделать то, что не удалось республиканским чиновникам. Он остановил кровь.

Сложно представить более благородный образ.

Но за гуманитарной миссией, мостами и университетами, все это время тянется шлейф тёмных слухов. В регионе, где дороги заполнены афганским героином, любой новый мост вызывает у пограничников нервную дрожь, и поэтому злые языки упорно называют Ага-Хана теньвым накробароном, таким Эскобаром Евразии.

Альфред Маккой в «Политике героина» приводил аргументы о том, как МІБ сотрудничало с афганскими полевыми командирами ещё с 1980-х, а британские войска в Гильменде увольняли тех губернаторов, что мешали наркотрафику. В этой логике Ага-хан, с его мостами и дорогами, предстаёт не филантропом, а топ-менеджером, обеспечивающим логистику.

В репортаже ВВС 2011 года, посвящённом открытию очередного моста, местные жители прямо заявляли корреспондентам: они опасаются, что транспортная артерия станет «дорогой смерти» — новым маршрутом для наркокурьеров. Сторонники Ага-хана парировали: мосты и работа — единственная альтернатива наркотикам. В условиях безработицы и нищеты Памира крестьянин идёт в наркокурьеры от безысходности. Предоставляя рабочие места и электричество, Ага-хан перекрывает «человеческий фактор» этой цепочки.

Кто же Ага-хан на самом деле — святой, строящий школы и больницы, или глава континентальной наркосети, расчистивший путь для «белого золота» Памира?

Точно одно. Настоящий хозяин на «Крыше мира» по-прежнему не тот, кто ставит здесь гарнизоны, а тот, кому молятся в горах.

Как исмаилит стал голосом ислама

Если Памир, с точки зрения британцев, был ключом к сокровищу, то Индия — самым сокровищем. Поэтому южноазиатские дела для них были несоизмеримо важнее центрально-азиатских.

И здесь Ага-хан снова пришёлся как нельзя кстати.

Британия управляла Индией двумя руками. Одной — через губернаторов, полицию и армию. Другой — через местных князей, помещиков и священников. Вторая рука была тоньше, гибче и действовала там, где первая не справлялась. Мусульманская Индия, около 65 миллионов человек (в основном это потомки принявших ислам местных индуистов), стремилась обособить себя от основной индуистской массы и искала своего лидера. Британцы решили, что этот лидер будет их человеком.

Исмаилитов в Индии было меньше трёх процентов от всех мусульман. Основная часть уммы, сунниты, считали исмаилитов еретиками, а Ага-хана — колдуном и самозванцем. Но британцы решили, что им и не нужно большинство. Достаточно лояльного меньшинства, которое говорило бы от имени всех.

Так началась операция по превращению Ага-хана в «лидера индийских мусульман».

Договорённость была следующей. Британия даёт Ага-хану титулы, деньги и политический вес. Ага-хан использует свой авторитет, чтобы отвлекать мусульман от любых форм антибританской активности. Индийские мусульмане, даже если они не признают Ага-хана своим духовным главой, видят, что Британия уважает ислам, даёт его представителям высокие посты, считается с их мнением, — и «выпускают пар».

В 1902 году Ага-хана III назначили членом Законодательного совета при вице-короле Индии. У него не было избирателей и партии, только титул и доверие британцев. Но он заседал в совете, где обсуждались законы для сотен миллионов человек.

В 1906 году делегация из тридцати пяти мусульманских лидеров прибыла к вице-королю лорду Минто. Они требовали отдельного представительства для мусульман, чтобы их голоса не растворялись в индуистском большинстве. Делегацию возглавлял никто иной как Ага-хан III. В сопровождении — князья и богатейшие землевладельцы. Империя услышала. Результатом стало создание Мусульманской лиги (той самой партии, которая через сорок лет потребует создания независимого Пакистана, но это будет сильно позже...). Ну а первым президентом Лиги стал, конечно же, Ага-хан III. Так британцы сделали его лицом мусульманской политики.

И эта ставка себя оправдала (по крайней мере, до поры до времени, ну да не будем забегать вперед). Первая мировая война. Османский султан, он же халиф всех суннитов, призвал мусульман к джихаду против Антанты. Это был очень грозный момент для британской Индии. Миллионы мусульман заколебались. Тогда Ага-хан публично осудил призыв. Его исмаилиты подтвердили верность короне. Имам обратился к мусульманской элите, убеждая, что верность Британии — это верность исламу. И обращение сработало. Мусульмане Индии на протяжении войны не поднимали серьезных восстаний.

Возвращаясь к разговору про симбиоз. Фактически Лондон использовал Ага-хана как ширму: смотрите, мусульмане нас поддерживают, у них есть свои лидеры и мы считаемся с их мнением. А Ага-хан использовал метрополию для защиты от суннитского большинства и легитимации своей власти. Его окружало кольцо почёта и привилегий, которое делало его политическим тяжеловесом, ибо его друзьями были король Эдуард VII, лорд Керзон, Уинстон Черчилль. С последним у Ага-хана, между прочим, сложились особо теплые отношения. Он писал о Черчилле: «Каждый раз, когда я обсуждал с ним политические вопросы, я вновь и вновь оказывался под влиянием практического реализма, который отличает его точку зрения. Он не заперт в своих предыдущих идеях, желаниях или мечтах...». Черчилль же не раз повторял Ага-хану поговорку: «Лучше половинка булки, чем ничего», имея в виду необходимость компромиссов в политике.

В 1930-е годы, когда движение за независимость Индии набирало силу, когда Ганди поднимал миллионы, Ага-хан стоял на платформе сотрудничества с метрополией. Он участвовал в Конференциях круглого стола (1930–1932), где решалась судьба Индии. Формально он представлял интересы мусульман. Реально — выполнял задания Лондона, пытаясь оттянуть независимость, сохранить империю.

Частично ему это удалось. Окончательный уход Британии из индийского субконтинента удалось отсрочить аж до середины 20 века...

...И здесь мы подходим к занятной иронии судьбы. К истории о том, как Акелла промахнулся. Ну то есть как Ага-хан III, верный слуга короны, причинил британским интересам колоссальный вред.

Не будет преувеличением сказать, что главной мечтой индийских мусульман значилось создание собственного государства Пакистан. И в конце концов независимый Пакистан был создан.

Но как он был создан?

Главный архитектор пакистанской независимости, «отец нации», Мухаммад Али Джинна — тот, чей портрет сегодня висит в каждом государственном учреждении Пакистана, — по рождению принадлежал к исмаилитской общине. Его семья, выходцы из касты ходжа, платила дань Ага-хану; в этой среде духовное и мирское сплетались в тугой узел и каждый шаг контролировался людьми имама.

Казалось бы, тут у британцев все должно быть схвачено. Ан нет. Вышло иначе.

Точнее говоря, получилось так, что Ага-Хан и Джинна вдрызг рассорились и стали непримиримыми врагами. Почему так произошло доподлинно неизвестно. Но вот что гласит наиболее распространенная версия, и она представляется вполне правдоподобной.

В 1901 году Ага-хан III отказался благословить брак сестры Джинны с человеком, не принадлежавшим к исмаилитам. Джинна, юрист до мозга костей, воспитанный в либеральных традициях Лондона, где суд и закон стояли выше религиозных разногласий, не стерпел. Он публично порвал с общиной, перейдя в двенадцатичный шиизм. В тот момент Ага-хан потерял члена общины и получил политического противника, который через полвека перекроит карту Южной Азии.

Конфликт был не просто личным. Он обнажил пропасть между старым и новым миром. Ага-хан олицетворял феодальную, религиозную власть, где решения принимались по праву рождения и крови. Джинна, адвокат и конституционалист, защищал право человека на свободу выбора, неподвластную религиозным догматам.

Джинна быстро стал набирать политический вес. В 1913 году он вступил в Мусульманскую лигу, которую Ага-хан к тому времени уже покинул, посчитав слишком радикальной. Джинна же, напротив, увидел в Лиге действенный инструмент для создания нового государства. В 1934 году он был избран её постоянным президентом и возглавил движение за независимый Пакистан. Вопреки надеждам Лондона, он превратил Лигу в по-настоящему массовую партию. Теперь он вел за собой миллионы.

Все пошло совсем не по плану метрополии.

После Второй Мировой войны стало очевидно, что Лондон не сможет удержать Индию. Но британцы отчаянно стремились сохранить единый индийский доминион — союзника в рамках Содружества. Идея двух независимых государств вызывала у них ужас. Секретные отчёты британского правительства и переписка вице-короля с Лондоном в 1946–1947 годах полны раздражения. Губернатор Пенджаба с тревогой доносил, что авторитет Джинны непрерывно растёт. Британские чиновники не понимали, как «исмаилит по рождению» смог стать голосом индийских суннитов и требовать отторжения от короны стратегически важных провинций — Пенджаба, Синда, Белуджистана и Бенгалии.

В самом деле, как?

Джинна прошёл путь от либерала до бескомпромиссного борца за свободу, именно это и стало основой его авторитета. В 1918 году, когда губернатор Бомбея Уиллингдон оскорбил лидера радикального крыла Индийского национального конгресса Тилака, Джинна возглавил публичную атаку на власти. Его сторонники были готовы разнести городское собрание, чтобы не допустить принятия лояльного британцам меморандума. В 30-е Джинна окончательно разорвал с унитарным прошлым. На сессии Мусульманской лиги в Лахоре в марте 1940 года он потребовал создания «независимого государства» на северо-западе и северо-востоке Индии. Для Лондона это прозвучало как гром среди ясного неба. Вице-король Линлитгоу в частных письмах называл Джинну «маньяком». Но к 1946 году стало ясно: без Пакистана не будет мира.

В феврале 1947 года премьер-министр Великобритании Клемент Эттли объявил, что Британия уйдет из Индии не позднее июня 1948 года. Реальность оказалась жестче. Последний вице-король лорд Маунтбэттен, прибывший в Дели в марте 1947 года, быстро понял: его предшественники упустили контроль над ситуацией. Когда Маунтбэттен предложил Джинне компромисс — слабую федерацию, которая сохранит единство — Джинна ответил тремя словами. «Пакистан или смерть».

Столкнувшись с непримиримой позицией возглавляемых Джинной лидеров мусульман, Британия отступила. И в ночь на 15 августа 1947 года на политической карте мира появились две новых страны — Индия и Пакистан, — каждая из которых пошла своей дорогой.

Вот так изгой из исмаилитской общины поставил крест на власти британцев в Индии. А Ага-хану оставалось лишь наблюдать со стороны, как рушится облагодетельствовавшая его империя.

Заключение

Сегодня исмаилиты — это глобальная сеть общин, насчитывающая 15-20 миллионов человек. Их новый лидер, принц Рахим Ага-хан V, стал имамом в 2025 году после смерти своего отца, Ага-хана IV. Он продолжает политику поддержания связей с западными правительствами. Фонд AKDN — это гигантская сеть университетов, больниц и финансовых организаций, действующая в самых разных регионах планеты. В одной только Канаде, куда в 1970-х годах мигрировали тысячи исмаилитов из Восточной Африки, сегодня живут более 100 тысяч членов общины, и они продолжают активно поддерживать связи со своими единоверцами по ту сторону океана.

История исмаилитов — это не просто летопись религиозного меньшинства, а настоящее пособие по выживанию для малой этно-конфессиональной группы. Век за веком их преследовали и пытались уничтожить. Фатимидский халифат, где они были у власти, рухнул под ударами крестоносцев и враждебных мусульман. Аламут, их горная твердыня, пала под копытами монгольских коней. Их имамы уходили в подполье, их общины рассеивались по миру. И всё же они сохранились.

Потому что в этом мире выживает не тот, кто строит стены, а тот, кто строит связи.

У них нет своего государства, но есть университеты. Нет армии, но есть глобальный бизнес. Нет нефти, но есть единство.

Да, похоже, что ключевой секрет выживания исмаилитов — в институте имамата, который обеспечивает вертикальную интеграцию общины и гарантирует преемственность власти без расколов. Но также еще и в философии, которая учит балансу между сохранением идентичности и адаптацией к современности, в прагматизме, позволяющем выживать в любой политической системе: от постколониальной Индии до постсоветского Таджикистана, от авторитарного Ирана до либеральной Канады.

Кейс взаимодействия исмаилитов и британцев показал, как небольшая, но разветвленная этно-религиозная община может стать инструментом геополитики, не теряя при этом автономии. И сегодня, когда Британская империя ушла в прошлое, исмаилиты продолжают свою партию.

Источники к главе

1. Общая история и доктрины исмаилизма

Daftary, F. (2007). *The Ismā'īlīs: Their History and Doctrines*. Cambridge University Press.

Daftary, F. (2021). *The Ismā'īlīs: Their History and Doctrines* (2nd ed.). Cambridge University Press.

Hodgson, M. G. S. (1955). *The Order of Assassins: The Struggle of the Early Nizārī Ismā'īlīs against the Islamic World*. Mouton.

2. Аламут, ассасины и низариты

Lewis, B. (1967). *The Assassins: A Radical Sect in Islam*. Weidenfeld & Nicolson.

Daftary, F. (1992). *The Isma'ilis: Their History and Doctrines*. Cambridge University Press.

3. Ага-хан III и британская сеть

Aga Khan III (1954). *The Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time*. Cassell & Co.

Dumasia, N. M. (2001). *The Aga Khan and His Ancestors: A Biographical and Historical Sketch*. Academic Books.

Lokhanwala, S. T. (1967). *Islamic Law and the Ismaili Community*. Bombay University Press.

4. Исмаилиты и Британская империя

Lavan, S. (1974). *The Aga Khans and the Khojas: The Changing of the Guard in Ismailism*. Northwestern University.

Poonawala, I. (2005). «The Aga Khans and the British: A Study in Collaboration». *Journal of Islamic Studies*, 16(2).

5. Большая игра и Памир

Hopkirk, P. (1990). *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. John Murray.

Younghusband, F. E. (1896). *The Heart of a Continent*. John Murray.

6. Архивные документы

Фон Клемм, В. О. (1904). Донесение генерального консула Российской империи в Бомбее в Министерство иностранных дел (РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 298, л. 74–79).

Тевяшев, Н. Н. (1905). Телеграмма генерал-губернатора Туркестана в Департамент полиции (ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 14, д. 112, л. 311).

7. Создание Пакистана и роль Джинны

Wolpert, S. (1984). *Jinnah of Pakistan*. Oxford University Press.

Ziring, L. (1997). *Pakistan in the Twentieth Century: A Political History*. Oxford University Press.

French, P. (2018). *India: A Portrait*. Allen Lane. (о восприятии Джинны британскими властями).

8. Современное положение исмаилитов

Корнеева, Т. Г. (2022). «Переосмысление средневековых парадигм в эпоху цифровизации на примере общины исмаилитов». *Вопросы философии*, №5, с. 59–69.

Aga Khan Development Network (AKDN) Annual Reports (2000–2020).

Steinberg, J. (2011). *Isma'ili Modern: Globalization and Identity in a Muslim Community*. University of North Carolina Press.

9. СМИ и новости

The News International (2025, February 6). *Prince Karim Aga Khan passes away in Lisbon at 88*.

The Express Tribune (2025, February 6). *Prince Karim Aga Khan passes away at 88*.

L'Orient Today (2025, December 7). *The Ismailis, the quiet and unexpected winners in new Syria*.

Acadia Broadcasting (2026, March 5). *The Ismaili Community Has a Growing Interest in Atlantic Canada*.

10. Дополнительные материалы

Институт философии РАН. (2023, October 12). Лекция Т.Г. Корнеевой «Выжившие: как исмаилиты стали самой успешной мусульманской общиной в 21 веке».

IIS (2025). *Ginān Studies Conference hosted at the Aga Khan Centre*.

Глава 2. Игра с русским духом: «Божьи люди» и джентльмены Её Величества

Они не называли себя хлыстами. Это прозвище, которое прилепило к ним русское общество. Сами себя они величали «людьми Божиими» или «духовными христианами». «Хлыстами» же, по одной версии, их окрестили за обряд самобичевания, который практиковали наиболее ревностные последователи. По другой, это уничижительное искажение от «христы» или «христоверы», как сектанты также любили себя именовать.

Как бы ни было, одно можно утверждать наверняка. Хлысты — самая известная, многочисленная и влиятельная секта во всей русской истории. И хотя формально они не являются отдельным этносом, их уникальная внутренняя организация позволяет нам рассматривать данную секту как обособленный «народ в народе», кардинально отличающийся от всего остального населения.

Всё началось в 1645 году. Беглый солдат из Костромской губернии Данила Филиппович поднялся на гору Городину и вдруг — как гласит хлыстовское предание — с небес раздался голос: «Сойду я к вам бог с неба на землю. Изберу я плоть пречистую и облекусь в нее. Буду я по плоти человек, а по духу бог». После такого Данила Филиппович объявил себя воплотившимся Саваофом — самым Богом Отцом. Своим приверженцам, тем, кто ему проверил, он велел бросить книги Священного Писания в Волгу. Зачем они, если бог теперь на земле и говорит прямую?

Вместо Евангелия он оставил ученикам 12 заповедей. Первая из них: «Аз есмь бог, про роками предсказанный, сошёл на землю для спасения душ человеческих. Несть другого бога, кроме меня.» Вторая и третья: «Нет другого учения. Не ищите его» и «На чём поставлены, на том и стойте». Четвертая: «Храните божьи заповеди и будете вселенные ловцы». Также интересны седьмая («Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнём жечь — терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость») и последняя, двенадцатая: «Святому духу верьте». Прочие заповеди содержат наставления в духе: хмельного не пейте, плотского греха не творите, скверных слов не говорите, не воруйте, не женитесь и пр.

Через четыре года Данила-Саваоф нашёл «сына» — крестьянина Ивана Тимофеевича Суслова, которого провозгласил новым воплощением Христа. К Христу прилагалась богородица — некая Акулина Ивановна, а также 12 апостолов. Так родился первый «корабль» — как хлысты называли свои общины в память о Ноевом ковчеге, символе спасения. Во главе каждого корабля стоял «кормщик» (он же «Христос»), при нём — «кормщица» (она же «Богородица»). Власть кормщика была неограниченной.

Идея секты была проста и безумно привлекательна для простого люда. Бог — не где-то далеко, на небесах. Он здесь, живёт среди нас и может вселиться в любого праведника. А значит, и ты сам можешь стать Христом, если достаточно усердно следовать заповедям и умерщвлять плоть. А плоть нужно ненавидеть. Тело — темница души. Брак — грех, ибо Адам согрешил именно супружеством. Дети — «утеха сатаны», «щенята». Потакать телесному нельзя. Плясать можно — но не для веселья, а в религиозном экстазе, кружась до изнеможения, впадая в транс, выкрикивая пророчества. Этот обряд назывался «радение». (Иногда, как выше упомянуто, радения доходили до самобичевания. В хлыстовских стихах есть такие строки: «Мы в радости, мы в радости живём — и хлыстами нас народ зовёт».) Хлысты верили в переселение душ. Душа после смерти становится ангелом или, если человек жил в браке, переходит в свинью. После многих перевоплощений, очищаясь, она может попасть в тело «христа» — и

обрести вечное блаженство. Христос для них — не единственный Сын Божий, а один из многих «христов», в которых воплощалось божество.

Суслов, бежав от преследований, осел в Москве, имел собственный дом в Кудриной слободе и жил под видом купца. Там собирались его последователи на тайные радения. По преданию, Суслов был живуч. Его хватали трижды. Всякий раз он ускользал. Умер он глубоким стариком, окружённый верными учениками.

Семена, разносимые ветром

Российские власти, само собой, хлыстов ненавидели. Не только за ересь. Секта уводила крестьян от работы, податей и солдатчины. Императорские указы один за другим запрещали «суеверия», но «корабли» возникали там, где их не ждали. Хлыстовщина проникла даже... за стены московских монастырей, например, женских Никитского и Ивановского. Христовы невесты плясали, кружились и падали в транс под сводами, где должны были благочестиво молиться, а «кормищицами» нередко становились сами игумены.

При Петре I хлыстов пытали и казнили. Первое большое следствие по выявлению сектантов было устроено в 1733 году, при Анне Иоановне. Вождей казнили, остальных сослали в Сибирь. В 1745–1752 годах — второе следствие, привлёкшее 416 человек, среди которых были священники, монахи и монахини.

Итог оказался парадоксальным. Вместо того чтобы исчезнуть, секта разбежалась по новым землям, еще более окрепнув.

Особенно успешно секта распространялась в царствование Александра I, чья страсть к мистицизму и масонам создала питательную среду для всех, кто искал Бога за пределами официальных догм. К началу XX века хлыстов насчитывалось уже сотни тысяч по всей России, а по другим данным, миллионы. Церковные публицисты били тревогу: хлыстовство стало «третьей верой» русского населения, уступая по своему распространению только официальному православию и старообрядчеству. Общины-«корабли», раскинулись от Петербургской губернии до Закавказья, охватив центральные и южные губернии, Поволжье, Донскую область и Сибирь.

В Самарской губернии конца XIX века хлыстовщина распространилась так широко, что в некоторых сёлах последователи секты составляли до двух третей населения. Похожие ситуации фиксировались и в других губерниях Великороссии. На Кавказе, в Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областях почти не осталось приходов, свободных от хлыстов. Из отчёта Святейшего Синода за 1898 год следовало, что секта привлекала православных простой общением с «живыми богами», возможностью самим стать пророками и получить Святой Дух.

Почему сложно подсчитать точную статистику? Хлысты были мастерами конспирации. Они аккуратно ходили в православную церковь, исповедовались, причащались и старались выглядеть «лучшими прихожанами». На вопрос переписчика хлыст непременно отвечал, что он православный из православных. Поэтому цифры и разнились кардинально.

Тем более, что к началу XX века хлыстовщина представляла собой уже не единую секту, а сложный конгломерат тайных течений, объединённых общими корнями. Под разными названиями — «Новый Израиль», «Старый Израиль», «перфиловцы», «шелапуты», «бегуны», «немоляки» — скрывалась одна и та же экстатическая вера. Парадоксальным образом гонимое меньшинство превратилось в мощную подпольную силу, способную уводить тысячи верующих из-под влияния государственной церкви и, как следствие, из-под влияния государства.

Но чем объясняется эта популярность?

Распространение хлыстовства в народе стало индикатором системного кризиса, поразившего официальную идеологию империи. Огромные массы крестьянства, формально причис-

ляя себя к православию, на деле оставались вне пастырского попечения. Церковь для них была частью государственной машины — казённой, равнодушной. В этой атмосфере, как выразился П.Г. Любомиров, «механизированная обрядность для некоторых натур казалась мёртвой». Душа требовала живого слова, чуда, прямого контакта с божественным. И когда появлялся проповедник, говоривший: «Бог не в книгах, Бог во мне», — он находил благодатную почву.

Словом, когда официальная религия не отвечает на мучительные вопросы, люди ищут утешения в запретном. Хлысты предлагали ответы. Паче того, в «корабле» человек обретал братство, которого не могла дать империя, построенная на сословных перегородках.

Среди тех, кто пытался разгадать загадку хлыстов, были крупнейшие умы своего времени. Выдающийся русский философ Николай Бердяев видел в хлыстовстве реакцию «языческой народной стихии» на вселенский Логос православия. По его мнению, в хлыстовстве ярко проявилось то, что он называл «дионисическим» началом в русском характере — стремление к экстазу, растворению личности в стихии, поиску радости на земле, а не на небе.

Василий Розанов, философ и публицист, подошёл к феномену хлыстов иначе. В своём эссе «Люди лунного света» он пытался осмыслить сектантство как проявление «метафизической тоски» русского человека по «живому Богу». Розанова привлекала в хлыстах их искренность, их разрыв с казённым, «синодальным» православием. Он писал, что в «радениях» есть нечто первобытное, стихийное, что утрачено официальной церковью. Но он же предостерегал: уход от нормы, «от дневного света в лунный» чреват потерей человеческого облика. «Лунный свет» Розанова — это двусмысленный символ: он и манит, и пугает. Сектанты же ищут Бога, но находят лишь тени...

Писатель и этнограф Павел Мельников (литературный псевдоним — Андрей Печерский), автор знаменитых романов «В лесах» и «На горах», долгое время работал чиновником по особым поручениям в Нижегородской губернии, где и столкнулся с раскольниками и «сектаторами». Он одним из первых в литературе достоверно описал быт и нравы хлыстов, не скрывая ужаса от их ритуалов. Его работы до сих пор считаются ценнейшим источником по истории сектантства. Вот, например, как Мельников-Печерский описывает хлыстовскую «сионскую горницу», место тайных радений: «Весь потолок был расписан искусной кистью известного художника Боровиковского... На потолке были изображены парившие в небесах ангелы, серафимы, херувимы, девятью кругами летали они один круг в другом, а в середине парил святой дух в виде голубя с сиянием... Эта роскошь — хрустальные люстры в полсотни свечей, бронзовые канделябры, серебряный глазет на престоле — противоречила внешней аскезе сектантов. Ни пьянства, ни гульбы, помощь сирым и убогим, ровное обращение с крепостными — и ночные собрания, где с пением и криками они двигались по кругу, ускоряя темп с каждым поворотом, пока, кружась в безумном танце, не падали на землю в изнеможении». Кружение («корабль плывёт») могло длиться часами. Сначала участники пели духовные стихи, затем ускоряли ритм, начинали хлестать себя жгутами, впадали в транс и выкрикивали пророчества. «Кормщик» направлял это беснование, которое заканчивалось «ДУХОВНЫМ СУПРУЖЕСТВОМ». «Свальный грех», как называли это православные миссионеры, считался у хлыстов высшим проявлением святости: плотское возбуждение трактовалось как «сошествие Святого Духа».

Писатель оставил яркие портреты хлыстов. В его описании это люди, преимущественно купцы и зажиточные крестьяне, поражающие двойственностью: внешне — образцовые христиане, но внутри — одержимые. Днём они ходят в церковь, усердно крестятся и кладут земные поклоны, а по ночам совершают дикие пляски. В их среде процветала «благопристойность» внешнего поведения, но внутри каждого «запутанность и мерзость духовная»

Однако, несмотря на пристальное внимание мыслителей, до конца понять феномен хлыстов не удалось никому. Их замкнутость, непонятные обряды, скрытность порождали слухи. Говорили, что хлысты — не просто «сектаторы», а подпольщики, замышляющие что-то нехо-

рошее. В этих слухах была доля правды: секта действительно имела строгую иерархию, пароли и тайные знаки. Разрозненные «корабли», разбросанные от Сибири до Кавказа, поддерживали между собой непрерывающуюся зашифрованную связь. Для этого использовались специальные посланцы — «серафимы» или «летучие ангелы», странники, бесконечно путешествовавшие между общинами. Эти гонцы передавали наставления, предупреждали об опасности, координировали действия. Именно так, к слову сказать, по мнению ряда историков, Григорий Распутин начинал свой путь из тобольского села в столицу империи.

...А любая закрытая структура, где правят свои законы, — идеальный инструмент для разведки.

И разумеется, не могли не заинтересоваться хлыстами британские эмиссары

Ахиллесова пята великой империи

К началу XX века Британия уже имела колоссальный опыт использования этно-религиозных меньшинств в своих целях. Иسمайлиты в Индии и Афганистане, друзья в Палестине, ассирийцы в Курдистане — везде работала одна и та же схема. Найти закрытую, маргинализированную общину, которую презирает и притесняет большинство. Войти в доверие, расположить к сотрудничеству. А затем — использовать в своих целях.

Но если о сотрудничестве британцев с теми же исмайлитами имеется в открытом доступе немало документов, то в случае с хлыстами — все иначе. «Большая игра» во многом продолжается и в XXI веке, поэтому тайной подоплеки своих российских дел Лондон раскрывать не спешит.

Нам остается путь таких «шерлоков холмсов», по крупицам и косвенным уликам собирающих общую картину. Итак, какими фактами мы располагаем?

С 1812 года в России действует Британское и иностранное библейское общество (BFBS). Его официальной целью значилось распространение Священного Писания: сотрудники BFBS переводили и печатали Библию на 33 языках народов России. Но, как несложно догадаться, истинной задачей Общества была не столь благотворительность, сколь шпионаж. Под видом миссионеров в Россию внедрялись кадры, собирающие разведывательную информацию о состоянии империи и ее «болевых точках». К 1820-м годам по всей империи работало 289 вспомогательных отделений. Агенты Общества путешествовали по Сибири, Волге, Кавказу, фиксируя всё, что могло заинтересовать Лондон. Они вели подробные отчёты о передвижениях населения, настроениях местных элит и распространении «ересей». От глаз агентов не укрылось, что «сектанты посещают православные храмы для конспирации, при этом официальную религию ненавидят».

Добавим к этому интригующий момент у Мельникова-Печерского: «Положительно известно, что последователи «восторженных» сект, которых так много в Англии, а еще более в Америке, бывая в России, входили в непосредственные сношения с русскими простолюдинами, принадлежащими к тайным сектам, и участвовали в их собраниях. Некоторые даже предполагали, будто тайные секты занесены в Россию сектаторами Запада. Само правительство некогда разделяло эту мысль. Таким образом в царствование Елизаветы Петровны хлыстовщина была названа квакерскою ересью».

То есть, Британия прекрасно знала, кто такие хлысты и какие возможности открывает «работа» с ними.

Пожалуй, главной ценностью хлыстов для иностранных спецслужб, была способность разлагать государство и армию изнутри. Хлысты были лояльны не царю, а своим «христам». В хлыстовских стихах предреволюционных лет есть такие строки: «Не бойтесь царя злого, бой-

тесь Бога одного». Хлысты верили, что земные цари служат Сатане. Истинный царь — только Христос. Поэтому любая присяга являлась грехом.

Опять же доктрина хлыстов запрещала проливать кровь, а хлыстовщина проникла в полки по всей стране. Жандармские сводки начала XX века фиксируют случаи, когда солдаты-сектанты отказывались брать в руки оружие. При этом они не скрывали своих убеждений, заявляя следователям: «Нам Бог не велит убивать». В условиях, когда Россия воевала с Японией, а затем с Германией, каждый такой отказ был ударом по боеспособности империи.

Характерно, что накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов японская разведка заметно активизировалась в Сибири. Её агенты — часто под видом паломников или торговцев пушниной — устанавливали контакты с местными старообрядцами и сектантами. Задача была дезорганизовать тыл Российской империи, поднять восстания, перерезать коммуникации. Японский разведчик полковник Мотодзиро Акияма, объехавший Сибирь и Урал в 1903 году, в своих отчётах особо отмечал «влиятельных раскольников, готовых помочь нам в борьбе с общим врагом». Это подтверждается более поздними сведениями: как отмечалось в материалах НКВД 1930-х годов, японская разведка систематически вербовала агентуру из числа сектантов и просто «уголовников», создавая в Сибири диверсионные ячейки. Там же, в документах госбезопасности, упоминаются случаи, когда в составе шпионских групп фигурировали «крупные сектанты». А обучали японских агентов, конечно же, британцы, игравшие роль старших партнёров. Лондон официально заключил с Японией союзный договор ещё в 1902 году, поэтому английские инструкторы и разведчики помогали союзникам наладить работу в тылу противника. Иное дело, что японцы оказались менее способными, чем их учителя. Перед самой войной, в начале 1904 года, российской контрразведке удалось вскрыть масштабную подготовку к терактам на Транссибе. Впрочем, на общий неутешительный для России исход войны это повлияло мало...

Когда началась Первая мировая война, проблема еще более обострилась. Военные следователи фиксировали дезертирство и отказы от присяги среди солдат, набранных из «сектантских гнезд» Тамбовской и Самарской губерний. В донесениях особо выделялись группы «немоляков» — одного из ответвлений хлыстовства, которые отказывались не только воевать, но и выполнять любые приказы начальства. Следственные дела тех лет полны красноречивых деталей: офицеры жаловались, что сектанты «разлагают» полки изнутри, отказываются от присяги и ведут «вредную» агитацию. Однако военно-полевые суды часто рассматривали это не как религиозный фанатизм, а как политическую неблагонадёжность, отправляя провинившихся в дисциплинарные батальоны.

Другой немаловажной особенностью хлыстов было то, что они нередко становились успешными капиталистами. В хлыстовском «корабле» действовал принцип общей кассы. Члены общины отдавали свои доходы кормщику, тот распределял средства на нужды общины, подкуп чиновников, выкуп «братьев» из тюрем и т.д. Но часть денег оставалась. И эти деньги пускались в оборот.

Хлысты не кутили и не заводили семей. Экономия на «телесном» превращалась в инвестиции. В Поволжье, на Урале, в Сибири хлыстовские купеческие кланы сколачивали миллионы. Особенно преуспели в этом скопцы — радикальное ответвление хлыстовства, отделившееся в конце XVIII века. Как замечают исследователи, скопчество сделалось «специфической религией купцов, фабрикантов и ростовщиков». Сектанты не имели семей, не тратились на детей, не дробили капитал между наследниками. Всё состояние переходило к другому скопцу — и продолжало расти. К началу XX века крупные капиталы в скопческих руках были обычным делом. Одним из ярких примеров таких купеческих династий была семья Хлюстиных, выходцев из Мосальского уезда Калужской губернии, чья фамилия, по мнению исследователей, происходит от слова «хлыст» (тут, видимо, в значении «ловкий, пронырливый человек», но, как говорится, «бог шельму метит»). Антон Семёнович Хлюстин, купец 1-й гильдии, поставлял

провиант и фураж в армию, развернул обширную хозяйственную деятельность, владел бумажной фабрикой и «лазоревым заводом». То есть, это был бизнес вполне стратегического значения в масштабе всей империи.

Купец Третьяков в Петербурге, купец Колесников в Москве, купец Плотичин в Моршанске, и многие-многие другие — все они были кормщиками «кораблей». В их домах собирались радения, в которых вместе участвовали и приказчики, и простые работники. Максима Плотичина можно назвать всероссийским главой скопцов, фактическим «держателем общака» секты. (При том, кажется, сам он не был оскотен, но держал при себе женщин с ампутированной грудью). Скандал разразился в 1869 году, когда следователи у него изъяли колоссальные богатства (30 миллионов рублей золотом). Николай Лесков, описывая дело Плотичина, прямо указывает, что следствие вскрыло «связь моршанского скопчества с революционной польской партией». По имевшимся у писателя сведениям, польские эмиссары пытались использовать колоссальные скопческие капиталы, чтобы организовать восстание на юге России и дестабилизировать обстановку в империи. А это, в свою очередь, является очевидным свидетельством деятельности британских спецслужб, под патронажем коих и находилась польская эмиграция XIX века. Лондон систематически использовал это подполье: зафиксировано немало случаев, когда лица польского происхождения работали в разведывательных отделах Форин-офиса.

Наконец, третий момент. Хлыстовщина не была уделом одних крестьян да вышедших из их среды торговых воротил. Начиная со времен Александра I секта широко проникла в высшее общество. Петербургская аристократия, не находившая ответов в официальной религии, потянулась к мистике — и особенно активно со второй половины 19 века. Например, салон Елены Блаватской, основательницы Теософского общества, был настоящим гнездом эзотериков, где с буддизмом, каббалой и спиритизмом перемешивались и хлыстовские идеи. В другом салоне — Митрофановой, где собирались мистики и сектанты, бывала сама Анна Вырубова, ближайшая подруга императрицы Александры Фёдоровны. Через неё, как полагают некоторые историки, хлыстовство могло просачиваться во дворец.

В этих салонах регулярно вращались и шпионы Лондона, выдававшие себя за исследователей оккультизма или журналистов. Британский агент Роберт Брюс Локкарт в своих мемуарах писал о загадочной атмосфере Петрограда накануне революции, где переплелись шпионаж, мистика и политические интриги. Уильям Стед, приезжавший в Россию в 1890-х годах, описывал Петербург как «гигантского Гамлета», где каждый «колеблется, сомневается и не верит ничему». Он отмечал, что именно эта атмосфера духовного вакуума порождает спрос на мистику и сектантство. Частым гостем петербургских салонов был также лорд Рэдсток, миссионер BFBS. Известно, что последний собирал сведения о настроениях высшего света...

Самым ярким показателем проникновения хлыстовского духа в высшее общество стала фигура Григория Распутина. Большинство историков сходятся, что формально Распутин не был членом секты. Он не соблюдал обет безбрачия и не чурался мясной пищи. Но корни его мировоззрения уходили в хлыстовскую среду его родного села Покровское. Он знал хлыстовские псалмы, их «радения» и главное — идею о том, что Бог говорит напрямую через «избранных людей». В Петербурге Распутин быстро нашёл общий язык с великосветскими дамами, увлекавшимися мистицизмом. Через них он, как хорошо известно, получил доступ к императорской чете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.